

Виссарион Григорьевич Белинский

Мысли и заметки о русской литературе



Виссарион Григорьевич Белинский

Мысли и заметки о русской литературе

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2685985

Аннотация

Положение о важном значении литературы для общества является главным в этой статье. Рассматривая с этой точки зрения русскую литературу, Белинский отмечает стремительность ее развития, намечает основные этапы ее истории и заканчивает прозрением в ее великое будущее. Критик клеймит «квасных патриотов» и с неменьшей силой обрушивается на «пустоголовых европейцев, которые с восхищением говорят о последней фельетонной сказке выписавшегося французского беллетриста... и с презрительным равнодушием или с оскорбительной недоверчивостью смотрят на гениальное произведение русского поэта». Белинский раскрывает свое понимание народности, в котором органически сочетаются национальные и общечеловеческие интересы.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

18

Примечания

Виссарион Григорьевич Белинский

Мысли и заметки о русской литературе

Какова бы ни была наша литература, во всяком случае ее значение для нас гораздо важнее, нежели как может оно казаться: в ней, в одной ней вся наша умственная жизнь и вся поэзия нашей жизни. Только в ее сфере перестаем мы быть Иванами и Петрами, а становимся просто людьми, обращаясь к людям и с людьми.

В нашем обществе преобладает дух разъединения: у каждого нашего сословия все свое, особенное — и платье, и манеры, и образ жизни, и обычаи, и даже язык. Чтоб убедиться в этом, стоит только провести вечер, на котором) сошлись бы нечаянно чиновник, военный, помещик, купец, мещанин, поверенный по делам или управляющий, духовный, студент, семинарист, профессор, художник; увидя себя в таком обществе, вы можете подумать, что присутствуете при разделении языков... Так велико разъединение, царствующее между этими представителями разных классов одного и того же общества! Дух разъединения враждебен обществу: общество соединяет людей, каста разъединяет их. Многие думают, что

спесь, остаток славянской старины, уничтожает у нас – социабельность (sociability¹). Если это и справедливо, то разве отчасти только. Положим, что дворянин неохотно сходится о людьми низшего звания; но люди низших званий чем не готовы пожертвовать для сближения с дворянином? Это их страсть! Но беда в том, что это сближение всегда бывает внешним, формальным), похожим на шапочное знакомство; самолюбию богатого купца льстит знакомство даже с бедным дворянином, но, перезнакомившись и с богатыми дворянами, он все же остается верен привычкам, понятиям, языку, образу жизни своего, то есть купеческого, звания. Этот дух особенности так силен у нас, что даже и новые сословия, возникшие из нового порядка дел, основанного Петром Великим, не замедлили принять на себя особенные оттенки. Чему удивляться, что дворянин на купца, а купец на дворянина вовсе не походят, если иногда почти то же различие существует и между ученым и художником?... У нас еще не перевелись ученые, которые всю жизнь остаются верными благородной решимости не понимать, что такое искусство и зачем оно; у нас еще много художников, которые и не подозревают живой связи их искусства с наукою, с литературою, с жизнью. И потому, сведите *такого* ученого с *таким* художником, – и вы увидите, что они будут или молчать, или перекидываться общими фразами, да и те для них будут не разговором, а работою. Иной наш ученый, особенно если он посвя-

¹ Общительность. – *Ред.*

тил себя точным наукам, смотрит с иронической улыбкою на философию и историю, и на тех, кто ими занимается, а на поэзию, литературу, журналистику смотрит просто как на вздор. Так называемый наш «словесник» с презрением смотрит на математику, которая не далась ему в школе. Скажут: все это не дух разъединения, а дух полупросвещения или по-луобразованности. Так! но ведь все эти люди получили первоначальное образование если не довольно глубокое, то довольно многостороннее: словесник учился еще в школе математике, а математик – словесности. Многие из них даже очень хорошо рассуждают, при случае, о том, что существует только искусственное разделение наук, а существенного нет и быть не может, потому что все науки составляют одно знание об одном предмете – о бытии, что искусство так же, как и наука, есть то же сознание бытия, только в другой форме, и что литература должна быть наслаждением и роскошью ума равно для всех образованных людей. Но когда эти прекрасные рассуждения придется им приложить к делу, – тогда они сейчас же разделяются на цехи, которые посматривают друг на друга или с некоторою ироническою улыбкою и с чувством своего достоинства, или с какою-то недоверчивостию... Как же тут требовать социабельности между людьми различных сословий, из которых каждое по-своему и думает, и говорит, и одевается, и ест, и пьет?.. И однакож, несмотря на то, сказать, чтоб у нас вовсе не было общества, значило бы сказать неправду. Несомненно то, что у нас есть

сильная потребность общества и стремление к обществу, а это, уже важно! Реформа Петра Великого не уничтожила, не разрушила стен, отделявших в старом обществе один класс от другого; но она подкопалась под основание этих стен, и если не повалила, то наклонила их набок, — и теперь со дня на день они все более и более клонятся, обсыпаются и засыпаются собственными своими обломками, собственным своим щебнем и мусором, так что починять их значило бы придавать им тяжесть, которая, по причине подрывного их основания, только ускорила бы их и без того неизбежное падение. И если теперь разделенные этими стенами сословия не могут переходить через них, как через ровную мостовую, зато легко могут перескакивать через них там, где они особенно пообвалились или пострадали от проломов. Все это прежде делалось медленно и незаметно, теперь делается и быстрее и заметнее, — и близко время, когда все это очень скоро и начисто сделается. Железные дороги пройдут и под стенами и через стены, туннелями и мостами; усилением промышленности и торговли они переплетут интересы людей всех сословий и классов и заставят их вступить между собою в те живые и тесные отношения, которые невольно сглаживают все резкие и ненужные различия.

Но начало этого сближения сословий между собою, которое есть начало образующегося общества, отнюдь не принадлежит исключительно нашему времени: оно сливается с началом нашей литературы. Разнородное общество, сплочен-

ное в одну массу только одними материальными интересами, было бы жалким и нечеловеческим обществом. Как бы ни велики были внешнее благоденствие и внешняя сила какого-нибудь общества, — но если в нем торговля, промышленность, пароходство, железные дороги и вообще все материальные движущие силы составляют первоначальные, главные и прямые, а не вспомогательные только средства к просвещению и образованию, — то едва ли можно позавидовать такому обществу... В этом отношении нам нельзя пожаловаться на судьбу: общественное просвещение и образование потекло у нас вначале ручейком мелким и едва заметным, но зато из высшего и благороднейшего источника — из самой науки и литературы. Наука у нас и теперь только укореняется, но еще не укоренилась, тогда как образование только еще не разрослось, но уже укоренилось. Лист его мелок и редок, ствол не высок и не толст, но корень уже так глубок, что его не вырвать никакой буре, никакому потоку, никакой силе: вырубите этот лесок в одном месте, — корень даст отпрыски в другом, и вы скорее устанете вырубать, нежели устанет он давать новые отпрыски и разрастаться...

Говоря об успехах образования нашего общества, мы говорим об успехах нашей литературы, потому что наше образование есть непосредственное действие нашей литературы на понятия и нравы общества. Литература наша создала нравы нашего общества, воспитала уже несколько поколений, резко отличающихся одно от другого, положила нача-

ло внутреннему сближению сословий, образовала род общественного мнения и произвела нечто вроде особенного класса в обществе, который от обыкновенного *среднего сословия* отличается тем, что состоит не из купечества и мещанства только, но из людей всех сословий, сблизившихся между собою через образование, которое у нас исключительно сосредоточивается на любви, к литературе.

Если хотите понять и оценить влияние нашей литературы на общество, посмотрите на представителей ее различных эпох, поговорите с ними или заставьте их поговорить между собою. Литература наша так молода, так недавно началась, что и теперь еще можно встретить в обществе всех ее представителей. Первое замечательное русское стихотворение, написанное правильным размером, Ломоносова «Ода на взятие Хотина» явилась в 1739 году, ровно 107 лет тому назад, а Ломоносов умер в 1765 году, с небольшим 80 лет тому. Теперь, конечно, нет уже людей, которые видели бы Ломоносова хотя в детстве их, или, видевши его, могли бы помнить об этом; но и теперь еще много на Руси людей, которые по сочинениям Ломоносова научились любить поэзию и литературу и которые и теперь считают его таким же великим поэтом, каким все считали его в их время. Еще больше теперь людей, которые живо помнят и лицо и голос Державина и эпоху его полной славы считают лучшим временем своей жизни. Многие старики и теперь убеждены от всей души в высоком достоинстве поэм Хераскова, и дав-

но ли маститый поэт Дмитриев жаловался печатно на неуважение молодых поколений к таланту творца «Россиады» и «Владимира»? Есть еще много стариков, которые с умилением вспоминают о трагедиях Сумарокова и, при споре, готовы наизусть продекламировать лучшие, по их мнению, тирады из «Димитрия Самозванца». Другие из них, уже соглашаясь, что язык Сумарокова действительно очень устарел, укажут вам с особенным уважением на трагедии и комедии Княжнина, как на образец драматического пафоса и чистоты русского языка. Еще больше можно теперь встретить таких, которые ничего не станут говорить о Сумарокове и Княжнине, но тем с большим жаром и с большею уверенностию заговорят об Озере. Что же касается до Карамзина, – не только, старые, но и стареющие поколения беззаветно принадлежат ему душою и телом, чувствуют, думают и живут его духом, несмотря на то, что они не только читали Жуковского, Батюшкова, Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Лермонтова, но и восхищались всеми ими более или менее... Потом есть теперь люди, которые иронически улыбаются при имени Пушкина и с благоговением и восторгом говорят о Жуковском, как будто уважение к последнему не совместно с уважением к первому. А сколько теперь людей, которые не понимают Гоголя и оправдывают свое предубеждение на счет его тем, что они понимают Пушкина!.. Но не думайте, чтобы все это были чисто литературные факты: нет, если вы внимательнее присмотритесь и прислушаетесь к этим пред-

ставителям различных эпох нашей литературы и различных эпох нашего общества, – вы не можете не заметить более или менее живого отношения между их литературными и их житейскими понятиями и убеждениями. Что же касается собственно до литературного их образования, – это люди, разделенные друг от друга как будто столетиями, потому что наша литература с небольшим во сто лет пробежала расстояние не одного века. И потому была большая разница между обществом, которое восторгалось громоздкими фразами высокопарных од и тяжелых эпических поэм, и обществом, которое ходило плакать на *Лизин пруд*; между обществом, которое жадно читало «Людмилу» и «Светлану», упивалось фантастическими ужасами «Двенадцати спящих дев» или нежилось в романтической задумчивости под таинственные звуки «Эоловой арфы», – и между обществом, которое для «Евгения Онегина» забыло и «Кавказского пленника» и «Бахчисарайский фонтан», для «Горя от ума» – комедии Фонвизина, для «Бориса Годунова» – «Дмитрия Донского» Озерова (как некогда для последнего забыло оно «Дмитрия Самозванца» Сумарокова), а потом для Пушкина и Лермонтова как будто охолодело к поэтам, которые им предшествовали; для Гоголя совершенно забыло всех романистов и нувеллистов, которыми еще недавно так восхищалось... Подумайте только, какое неизмеримое пространство времени легло между «Иваном Выжигиным», который вышел в 1829 году, и между «Мертвыми душами», которые вышли в 1842 году...

Это различие литературного образования общества перешло в жизнь и разделило людей на различно действующие, мыслящие и убежденные поколения, которых живые споры и полемические отношения, выходя из принципов, а не из материальных интересов, являют собою признаки возникающей и развивающейся в обществе духовной жизни. И это великое дело есть дело нашей литературы!..

Литература была для нашего общества живым источником даже практических нравственных идей. Она началась сатирою и в лице Кантемира объявила нещадную войну невежеству, предрассудкам, сутяжничеству, ябеде, крючкотворству, лихоимству и казнокрадству, которые она застала в старом обществе не как пороки, но как правила жизни, как моральные убеждения. Каков бы ни был талант Сумарокова, но его сатирические нападки на «крапивное семя» всегда будут заслуживать почетного упоминования от историка русской литературы. Комедии Фонвизина были еще более заслугою пред обществом, нежели перед литературою. Отчасти то же можно сказать и об «Ябеде» Капниста. Басня потому так хорошо и принялась у нас, что она принадлежит к сатирическому роду поэзии. Сам Державин, поэт по преимуществу лирический, был в то же время и сатирическим поэтом, как, например, в «Фелице», «Вельможе» и других пьесах. Наконец пришло время, когда в нашей литературе сатира перешла в юмор, который высказывается в художественном воспроизведении житейской действительности.

Конечно, смешно было бы предполагать, чтоб сатира, комедия, повесть или роман могли исправить порочного человека; но нет сомнения, что они, открывая глаза общества на самого же его, способствуя пробуждению его самосознания, покрывают порочного презрением и позором. Недаром же многие у нас не могут без ненависти слышать имени Гоголя и его «Ревизора» называют «безнравственным» сочинением, которое следовало бы запретить. Равным образом теперь уже никто не будет так простодушен, чтобы думать, что комедия или повесть может взяточника сделать честным человеком, — нет, кривое дерево, когда оно уже выросло и потолстело, не сделаешь прямым; но ведь у взяточников так же бывают дети, как и у невзяточников: те и другие, еще не имея причин считать безнравственными яркие изображения взяточничества, восхищаются ими и незаметно для самих себя обогащаются такими впечатлениями, которые не всегда оказываются бесплодными в их последующей жизни, когда они делаются действительными членами общества. Впечатления юности сильны, и юность то и принимает за несомненную истину, что прежде всего» поразило ее чувство, воображение и ум. И вот каким образом действует литература уже не на одно образование, но и на нравственное улучшение общества! Как бы то ни было, но это факт, не подлежащий никакому сомнению, что только в последнее время у нас начало делаться заметным число людей, которые нравственные убеждения стараются осуществлять на деле, в ущерб своим

личным выгодам и во вред своему общественному положению...

Не менее этого неоспорим и тот факт, что литература служит у нас точкою соединения людей, во всех других отношениях внутренне разъединенных. Мещанин Ломоносов, за свой талант и свою ученость, достигает важных чинов, и вельможи допускают его в свой круг. С другой стороны, литература же сближает его с людьми бедными и ничтожными в гражданском отношении. Бедный дворянин Державин, за свой талант, сам делается вельможею, — и между людьми, с которыми сблизила его литература, он нашел не одних меценатов, но и друзей. Казанский купец Каменев, написавший балладу «Громвал», приехав в Москву по делам, пошел познакомиться с Карамзиным, а через него перезнакомился со всем московским литературным кругом.^[1] Это было назад тому сорок лет, когда купцы хаживали только в передние дворянских домов, и то по делам, с товарами или за должком, об уплате которого смиренно докучали. Первые журналы русские, которых и самые имена теперь забыты, издавались кружками молодых людей, сблизившихся между собою через общую им всем страсть к литературе. Образованность равняет людей. И в наше время уже нисколько не редкость встретить дружеский кружок, в котором найдется и знатный барин, и разночинец, и купец, и мещанин, — кружок, члены которого совершенно забыли разделяющие их внешние различия и взаимно уважают друг в друге просто людей.^[2] Вот

истинное начало образованной общественности, созданное у нас литературою! Кто из имеющих право на имя человека не пожелает от всей души, чтобы эта общественность росла и увеличивалась не по дням, а по часам, как росли наши сказочные богатыри! Как все живое, общество должно быть органическим, то есть множеством людей, связанных между собою *внутренно*. Денежные интересы, торговля, акции, балы, собрания, танцы – тоже связь, но только внешняя, следовательно, не живая, не органическая, хотя и необходимая и полезная. Внутренне связывают людей общие нравственные интересы, сходство в понятиях, равенство в образовании и при этом взаимное уважение к своему человеческому достоинству. Но все наши нравственные интересы, вся духовная жизнь наша, сосредоточивалась до сих пор и еще долго будет сосредоточиваться исключительно в литературе: она живой источник, из которого просачиваются в общество все человеческие чувства и понятия...

Повидимому, нет ничего легче, а в *сущности* нет ничего труднее, как писать о русской литературе. Это потому, что русская литература все еще младенец, положим, младенец – Алкид, но все же младенец. А о детях вообще гораздо труднее сказать что-нибудь положительное, определенное, нежели о взрослых людях. Притом же наша литература, подобно нашему обществу, представляет собою зрелище всевозможных противоречий, противоположностей, крайностей, странностей. Это оттого, что она началась не сама собою, а

была сперва пересадком на нашу почву с чуждой нам почвой.^[3] Поэтому об нашей литературе всего легче говорить крайностями. Доказывайте, что она не уступает в богатстве и зрелости ни одной европейской литературе и что мы можем десятками считать наших гениев и сотнями наших талантов, или доказывайте, что у нас вовсе нет литературы, что наши лучшие писатели – или случайные явления, или просто ничего не стоят: в обоих случаях вас по крайней мере поймут и ваше мнение найдет себе жарких последователей. Любовь к крайностям в суждениях – одно из свойств еще не установившейся натуры русской; русский человек любит или не в меру хвастаться, или не в меру скромничать. И потому у нас так много, с одной стороны, пустоголовых европейцев, которые с восхищением говорят о последней фельетонной сказке выписавшегося французского беллетриста, или с амфазом поют новый водевильный куплет, давно забытый парижанами, – и с презрительным равнодушием или с оскорбительною недоверчивостию смотрят на гениальное произведение русского поэта, для которых Россия не имеет будущего, и в ней все дурно и ничего порядочного быть не может; а с другой стороны, у нас так много *квасных патриотов*, которые всеми силами *натягиваются* ненавидеть все европейское – даже просвещение и любить все русское – даже сивуху и рукопашную дуэль. Пристаньте к одной из этих партий, – она сейчас же произведет вас в великие люди и в гении, тогда как другая – возненавидит и объявит бездарным человеком.

Но во всяком случае, имея врагов, вы будете иметь и друзей.
Держась же беспристрастного, *трезвого*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

1.

Белинский приводит этот пример, пользуясь биографическими сведениями о Г. П. Каменеве в статье Н. И. Второва (сб. «Вчера и сегодня», кн. I, 1845).

2.

Таким именно был кружок передовых деятелей литературы, объединявшийся вокруг разночинца Белинского, участниками которого были – дворяне Герцен, Тургенев, Некрасов, Кавелин, купец Боткин, мещанин Кетчер и др.

3.

См. примеч. 177.